

Литературная

СТРАНИЦА

В ЦЕХЕ ПЛАВИЛЬНОМ...

В цехе плавильном духота и газ...
Нас не страшит работы бездна адская.
Здесь в трудный час всех выручает нас
Не чудо, в взаимопомощь братская.

В конверторах мы варим медь, мой друг,
Секреты открывая всевозможные.
Новаторству и силе наших рук
Подчинены процессы плавки сложные.

Свою мы лепту вносим в коммунизм,
Одлевая трудность ежечасную.
Готовы все мы сделать, чтобы жизнь
России стала сказочно прекрасною.

А. АНТОНЕНКО,

загрузчик металлургического цеха.

ГОРДОСТЬ

Разве дело — работой хвастаться!
И, наверное, я бы не стал.
Но опять по желобу катится
Нами вынужденный металл,
Нами выстраданный по-своему,
По-рабочему, по-мужски,
Застрахованный нашей совестью
Треволнениям вопреки.
Сердцу тесно в груди от радости,
Просто выскочить норовит.
Семицветной дугою-радугой
Околдованный цех обвит.
В. КОБЯКОВ.

ПЫЛЬ И ВЕТЕР

Н. ПЛЮХИН

Однажды пыль спросила ветер:
«Когда и где меня заметил?
С тобой не долго до скандала!
Недавно я сама слыхала,
Как строгая комиссия ругала
Завмага, заму перепало,
Что я на полки к ним попала...».

Вывод: Признаться пыли в нашем крае
Мы сами много замечаем.
И надо ветер попросить
Почаще в гости заходить.
Чтоб пыль с прилавков, полок,
Одежд сверхмодных, грив и челок,
Родной, привычной речи русской
Сквозняк смахнул решительно,
по-русски!

Расхвасталась как-то крыша,
Что стен она намного выше.
А между прочим ясно всем,
Ее бы не было, не будь высоких стен.
Мораль, как истина, проста,
Коль подняли тебя — не заносись, как крыша та!

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

АЭРОДРОМ

Входит в сердце,
Врывается в стих
Поле мужества и суровости.
На просторах вихревых
Ничего не растет,
Кроме скорости!
Зреет скорость в движеньи винтов,
И в надежной моторов синхронности.
Не угрюмые спины китов —
Землю держат веселые скорости.
Скорость — это счастье взлететь.
Это — жизнь в полноте И огромности...
Потому и считаем мы смерть
Погашением всяческой скорости.
И в стих Поле мужества и суровости.
На просторах его вихревых
Вырастают высокие скорости.

Большие ветры

Рослые,
Как летние дожди,
У подножья сумрачных шиханов.
Спят большие ветры,
Положив В изголовье скатки из туманов.
Ничего не снится им во сне,
Как жнецам,
Что возвратились с поля,
Или как солдатам на войне
После сокрушительного боя...

Почему мы так говорим

Лыком шит

Ехал иной лаптежник в город — продавать свой товар. Продаст удачно — купит себе настоящий ремень из кожи, а свой лыковый, бросит. Вернется он в деревню и хвастает товарищам: «Смотрите, я не лыком шит». (Шит здесь в смысле подпясан). Сейчас мы употребим это выражение, имея в виду человека смекалистого, опытного.

И. о. редактора
В. М. ЩЕВЬЕВ.

Медногорская типография

Оренбургского управления по печати

ФВ 07168

Заказ № 1929

Тираж 7810

РАССКАЗ

ПО-НАД ОВРАГОМ идет старый Ясень. Из-под бровей мохнатых, давно седина тронутых, спокойно и задумчиво глядят глаза. На покрытых загаром и сетью морщин лице и шее от нещадно палящего солнца пот выступил. А он бредет себе неторопливо, вдыхая настоенный на хлебах и ягодах воздух. Звенит где-то в небе жаворонок. Чуть слышно поскрипывает ведро в руке, заполненное до половины ягодами. Не ради них же шел он сюда. Нет. В эти июньские дни сама степь зовет его. Столько в ней запахов, солнца...

И вот шагает он, коренастый, к чему-то прислушивающийся. А под ногами шуршит трава да потрескивает прошлогодний ковыль. Изредка тронет Ясень рукою бороду белую, курчавую, помнет и задумчивости, глядя то на созревшую пшеницу, что по правую сторону от него необъятным морем раскинулась, то на овраг, что по левую — кустами лозы да травами медвяно-пахучими порос; то кинет он взгляд еще левее, где желтеет другое поле, и прищурившись, заглядится вдаль. И из марева, что колышется вдали над полем, почти у самого горизонта, исходит к нему что-то волнующее и тревожное. В такую минуту присядет Ясень на косяге под куст черемухи так, чтоб видно было безбрежную ширь полей, речку, поросшую камышом, лозою да вербами, потонувшие в садах дома, и тогда мысли его ворошат память: и уже не колосья пшеницы шумят, не черемуховый лист, а знакомый, знаковый голос чудится ему:

— Беги... Беги, Ясень... И совсем близко, прояснившись от марева, подвинется горизонт. А за ним всплывает осяянное ярким солнцем былое...

..Июнь месяц. В степи жарынь — дохнуть нечем. По оврагам, ложбинкам травы стоят высокие, густые. И слышно, как поют в них косы: жить, жить, жить. Шуршит трава и ложится пыльными рядами

на землю. Друг за другом идут коммунары. Впереди, расставляя ноги на ширину плеч, шагает Сергей Ермоленко, мужик рослый и крепкий. В его руках, как земля, черных, пахучих, коса игрушкой кажется. Бывший казак в коммуне секретарем партийки стал. Следом — два младших брата, Иваны. А за ними идут Масловский, Грипотын, председатель коммуны Маслов и Гришка Ясень, самый молодой

поинтересовался Масловский. — Так, пайку свою оставляю. Но, увидев ухмылку Грипотына, продолжал прежним голосом:

— Столько тепла пропадает. — Осуждающе качал головой и советовал: — Если лишнее, так на зиму оставило бы.

Сложив косы, потянулись к кустам. Обед был недолгим. Хлеб-соль да лук с квасом. С такой снедью долго не засидишься. А после обеда двинулись

БЫЛОЕ

из всех коммунаров. Ему не было и семнадцати.

Будто стройный тополек при ветре, покачивается он из стороны в сторону. Пот пощипывает глаза, и даже на губах чувствуется привкус его соленый...

Шуршит трава. Липнут к телу мокрые от пота рубахи...

А там, за пологими перевалами, степью, буграми, низинами речными, топчет травы бандя зеленая. Из-под самого Мемуза скачет. Гогочут казаки пьяные. Сверкают на солнце сабли. И когда вылетают на шлях кони, то, взбитая их копытами, стелется следом черная пыль...

..Все выше и выше поднимается солнце. В его лучах, как раз над селом, кружит одинокий коршун. А небо чистое, будто умытое только что. Ни единой тучки в его синеве. Кончив заход, остановился Ермоленко-старший, оглядел покосы и остался доволен.

«Если и завтра такая же сушь будет, копнуть надо». — пришла в голову мысль. Подошли товарищи. Вытирая о подол рубахи липо, говорил тонким голосом Масловский:

— Вот жарит, а... Нечистый дух!

— Печет, — согласился с ним Грипотын. — Сейчас не обедать, а в речке скупиться бы.

— А ты, может, и вправду не будешь? — живо

поинтересовался Масловский. — Так, пайку свою оставляю. Но, увидев ухмылку Грипотына, продолжал прежним голосом:

— Столько тепла пропадает. — Осуждающе качал головой и советовал: — Если лишнее, так на зиму оставило бы.

Сложив косы, потянулись к кустам. Обед был недолгим. Хлеб-соль да лук с квасом. С такой снедью долго не засидишься. А после обеда двинулись

Потом не стало Маслова. Будто споткнувшись под тяжелой ношей, упал вельжак Масловский. А казаки гонят остальных по оврагу. Секут связанных, Трое братьев осталось в живых да Ясень с ними, Молодой и сильный, он то

ревалом мчится десяток конных. Клонится к горизонту солнце. И все так же мерно дышит ковыльная степь.

Там, у кустов лозы, и схватили коммунаров казаки, связали и погнали к селу. Только до села не пришлось им дойти. За речкою в овраге рубила саблями коммунаров бандя. Первым упал Грипотын.

Кучнее, задымили цигарками. И как-то сразу, но неторопливо, зашел разговор о хлебе, земле... Глядя сужившимися глазами за перевал, начал его Маслов:

— Урожай ноне должен быть, — медленно тянул он, — что пшеница, что рожь... И у всех семерых вставали в глазах тугие с налитыми зернами колосья. Как-то они соберут первый свой урожай? Скорее бы...

— Кто в коммунию не пошел, поди, лопнут от зависти, — шуткой поддержал разговор Масловский. — Вот увидишь, Серега, откроют рты, а закрывать нам придется. — Приглушенный жарынью слышится смех. Но Ермоленко не принял шутки. Не улыбнулся.

— Темные, — задумчиво возразил он. — Хотят по старинке, в одиночку. А земли вон сколько! — Обвел он глазами пространство.

— Целина! Тут такая пшеница родила бы... — И со вздохом закончил. — Трактор бы нам.

— Тогда б все темные в коммунию потянулись, — сказал Грипотын...

...А там, за перевалом, несет из села негромкое эхо крики, плач и топот конских копыт. Носится по селу бандя. Ищет тех, кто в коммуне, кто новую жизнь артелью строит. И вот уже через речку за пе-

Утро на Сакмаре. Фотоэюд Ф. Сентюрин.